

ИСТОКИ СЮЖЕТА «КАЩЕЕВА СМЕРТЬ В ЯЙЦЕ»

Внимание фольклористов постоянно привлекает один из древнейших персонажей восточнославянского фольклора — Кашей Бессмертный. Особенно знаменит сказочный сюжет АТ 302 — «Кашеева смерть в яйце». По мнению Н. В. Новикова, этому сюжету принадлежит ведущее место в основном тематическом ряду, а территориальное распространение этой сказки «необычайно широко»¹.

Самая интригующая загадка сюжета — исходный смысл мотива «смерть в яйце». В. Н. Топоров связал этот мотив с мифами о космическом яйце; реконструируя восточнославянскую версию такого мифа, он отнес к ее реликтам один из мотивов русской сказки типа АТ 301 («Три подземных царства»), центральный мотив типа АТ 302 и др. По его мнению, герой этих сказок был в мифах первым культурным героем (допромеевского типа), сотворившим мир из хаоса: «...Змей как олицетворение подземного царства и, следовательно, первозданного хаотического начала, пока он жив, не дает развернуться потенциально существующим элементам будущего космоса, находящимся до времени в свернутом виде в яйце, подобно зародышу <...>. Становление космоса (жизнь) из яйца,

собственно, и означало бы в таком случае конец хаоса (смерть) или его ограничение и изоляцию. И этот конец — в том яйце, где спрятана Кошечья смерть...»².

В. Н. Топоров считает Кашея одним из аллоэлементов Змея. Разбивание героем яйца дает начало космосу, т. е. уничтожает хаос, а «значит» — убивает олицетворение последнего. Путем таких рассуждений Топоров объясняет сюжет АТ 302 как деградированный космогонический миф: вследствие деградации «космос в яйце» стал «смертью Кашея в яйце».

Полагаем, исследователь верно раскрыл отзвуки мифа о мировом яйце в вариантах сказки «Три подземных царства» — и это уже имеет большую ценность. Сложнее с типом АТ 302. Справедливо, что представление о смерти Кашея в яйце связано с более архаическими темами, например, с яйцом в мировом океане (Топоров, с. 92 — 93). Но между мифом о мировом яйце и сказками типа АТ 302 существует лишь тематическая, а не сюжетная связь. Прямо возводя тип АТ 302 к космогоническому мифу, В. Н. Топоров игнорирует сущность центрального мотива.

Его интерпретации противоречит уже тот факт, что вместо яйца, от которого зависит существование персонажа, могут выступать и другие предметы, растения, даже птицы. В египетской «Сказке о двух братьях» (АТ 318) невинно гонимый Бата прячет свое сердце в цветок акации; когда цветок срывают, герой умирает. Спустя три года его сердце находят в ягоде акации; серия магических процедур завершается воскрешением Баты. Эту знаменитую сказку Д. А. Сперанский давно поставил в связь со «Смертью Кашея в яйце»³.

Во многих сказках индоевропейских народов повествуется о сердце или душе великана, колдуна или богатыря, спрятанном отдельно от тела, что гарантирует неуязвимость персонажа⁴. Более того, в некоторых вариантах русской сказки АТ 302 говорится, что в яйце заключена душа Кашея — душа, а не смерть. С этим совпадает ветхозаветное представление об «узлах жизни» (1 Царств, 25, 29), в которых, по мнению Фрэзера, выразилась вера в возможность надежного сокрытия души от врагов⁵. К этому же мотиву Фрэзер отнес греческий миф о Мелеагре и о спрятанной его матерью головне, от которой зависела его жизнь; когда он убил своего дядю, Альтея вынула из ларца заветную головню и, мстя за брата, бросила ее в огонь; Мелеагр умер в страшных мучениях. Витольд Клиндер отметил, что этот миф «примыкает к типу «Кашей Бессмертный» (жизнь человека связана с существованием какого-нибудь предмета)...»⁶.

В адыгской сказке «Похищение женщины» (516 В) мстительная старуха Цеунез подговаривает жену героя выведать у мужа скрытое место нахождения его души и губит его; его друзья, сыновья Солнца, Луны и Реки, приходят к нему на помощь и возвращают к жизни⁷. В персидской сказке «Амулет души» жизнь принца обрывается, когда Старуха похищает его амулет (носимый на шее кин-

жал) и бросает в воду; чудесные помощники, достав амулет из воды, воскрешают героя⁸.

Тот факт, что эквивалентом кашея яйца может быть растение, головня, «узел жизни», амулет и многое другое, уже подрывает «космогоническую» интерпретацию сюжета АТ 302. С другой стороны, коль скоро яйцо заключает в себе не космос, а душу персонажа (в международных указателях тип 302 определяется как «Сердце чудовища в яйце»), то сплетенная В. Н. Топоровым цепочка силлогизмов (становление космоса из яйца — конец хаоса — гибель Змея) теряет всякий смысл. Такую интерпретацию сюжета АТ 302 принять невозможно. Следует рассмотреть этот сюжет в плане «палеонтологии».

II

Самый архаичный элемент изучаемого сюжета — связь яйца с океаном, отмеченная В. Н. Топоровым. Это мотив ряда космогонических мифов. Так, в поздневедийском мифе «воды моря содержали некий зародыш мифа в виде яйца, плавающего среди водяного хаоса. Из яйца появился творец-демиург»⁹. В египетском мифе из яйца рождается солнечный бог. В преданиях Восточной Азии мифический Первопредок, проспав в яйце 18 тысяч лет, разбивает топором свою темницу и вылупляется из нее. Не было разбивания яйца кем-то извне: становление космоса, рождение бога из яйца — спонтанное явление, ничем не обязанное какой-либо героической инициативе.

Важно отметить, что все это — примеры из развитых мифологических систем, ведь космогонии складываются на высоких стадиях культуры. Более ранние мифы не задумывались о мире как целом; яйцо, плавающее в океане, в архаике было всего-навсего солнцем, т. е. конкретным и знакомым природным объектом. Первобытные охотники не питали к солнцу религиозного почтения: оно было для них чем-то фамильярно близким, например, превращенным юношей «из нашего селения».

В русской сказке типа АТ 302 зафиксировалось очень древнее представление о связи солнца с уткой. Яйцо со смертью Кашея обычно сокрыто в теле утки, реже — другой водоплавающей птицы. Утка — священная птица древних обитателей Северной Евразии, особенно финно-угров. «Мир, как рассказывает эпос финских племен, возник из яйца, снесенного в море гигантской уткой», напоминал А. П. Окладников в связи с неолитическими изображениями водоплавающих птиц, особенно уток¹⁰. Черпаки с ручкой в виде водоплавающей птицы встречаются уже в утвари неолитического Горбуновского торфяника. Мифы древней финно-угорской расы оказали огромное влияние на индоевропейские народы.

В сказке трансильванских саксов типа АТ 302 «на горе есть озеро, по нему плавает утка, а в ней есть яйцо, внутри которого горит огонек»: этот огонек и есть жизнь ведьмы. Скандинавская сказка «Великан, у которого в груди не было сердца» упоминает

остров, на котором стоит церковь, а в ней колодец, в колодце плавает утка, в ней — яйцо, в том яйце — сердце великана. В ирландской сказке яйцо — в утке, она же залечатана в ларце, сокрытом на дне моря¹¹. У болгар Кашею соответствует Червен вятр, сердце которого находится в яйце, яйцо в птице, а птица — на морском дне.

Эти сказки основаны на финно-угорских представлениях о солнечной утке. Солнце днем движется с востока на запад в повозке, запряженной конями, а ночью возвращается по подземному мировому океану, «влекомое лебедем, уткой или иной водоплавающей птицей»¹². Академик Рыбаков Б. А. раскрыл этот мифологический комплекс в изображениях «ночного солнца» на днищах погребальных сосудов фатьяновской культуры; носители ее были предками финно-угров.

Именно в качестве «солнечной ладьи» лебедь стал любимой птицей эллинов, германцев, славян. Отблеск солярного мифа сохранился в сагах о Рыцаре лебедя, который в архетипе сам был лебедем. В солярных мифах ладья, запряженная лебедем, появилась поздно, и переезд «ночного солнца» по подземному океану до этого мыслился иначе: солнце возвращалось в теле птицы, в виде ее яйца, и каждое утро «рождалось вновь». Лебедь или утка вновь и вновь сносили в море золотое яйцо.

Лебедя эллины считали красивейшей из птиц; финно-угры и отчасти тюрки славили красоту утки; русский фольклор воспевает и лебедь белую, и утушку. Это культурные символы разных рас, но граница их ареалов прошла через Русь.

В мифологии финно-угров утка заняла исключительное место. Лебеди не достигают берегов Ледовитого океана, зато прилет уток возвещает народам тундры солнце и весну. Полагаем, что в представлениях древних финнов Зима-Смерть похищала утку с солнечным яйцом и прятала ее на дне океана или на острове среди океана. Руны карелов, ижор и эстонцев о похищении Змеем солнца и луны сохранились до наших дней.

После таяния Великого Ледника люди, пришедшие на северные берега Сибири и Европы, столкнулись с феноменом полярной ночи и были поражены тем, что солнце исчезает на полгода. Какая же сила задерживает его? Для объяснения этого с необходимостью должны были возникнуть мифы. Поскольку появление солнца совпадало с прилетом первых птиц, северные мифы связали их с солнцем. Из птиц чемпионами Заполярья являются гуси и утки: в сущности это полярные птицы, они выносят мороз до -110°C , тогда как белый медведь — только до -80° .

Весенним обрядом арханческих племен Заполярья было нахождение первого яйца. «Увидев» его, божество зимы окончательно теряло свою силу. Возникший на этой почве миф имел циклический характер: никакого убийства мрачного бога не мыслилось, ведь зима повторяется вечно. Поэтому из вариантов русской сказки АТ 302 древнейшие суть те, где Кашею просто показывают яйцо, отчего он лишается силы; при этом о смерти его не упоминается.

Одно из отличий мифического повествования состоит в том, что миф всегда длится в момент рассказа и результат его действия всегда налично, тогда как сказка повествует о завершившемся прошлом. Каждый день Гелиос выезжает на своей колеснице, каждую осень Персефона нисходит в царство Аида, и Сизиф катит свой бессмысленный камень в «вечном сегодня». В протосюжете типа АТ 302 бог Зимы не умирал, и только сказка по законам своей поэтики создала этот парадокс — смерть Кашея Бессмертного.

Итак, гипотетический протосюжет можно представить так: божество Зимы-Смерти похищает утку с солнечным яйцом, отчего на полгода воцаряется мрак; далее следуют поиски утки или ее яйца. Протосюжет связан с весенними обрядами, с собиранием первых яиц. Люди собирали птичьи яйца во всем мире, но для народов Заполярья, ввиду ограниченности ресурсов, это собирание яиц имело исключительное значение.

Как же этот миф мог превратиться в сказку?

III

Пленение солнца божеством Зимы мыслилось как похищение и сокрытие утки; затем она освобождалась и сносила яйцо-солнце. Сюжет приобрел относительную законченность, когда «спасительницей» яйца стала рыба. Это естественно, ведь яйцо плавало в океане или лежало на его дне.

В вариантах русской сказки герой, уже добыв яйцо с кашеевой смертью, захотел его помыть и наклонился над водой; яйцо выскользнуло из рук и исчезло в море. Герой в отчаянии, но тут щука выносит ему яйцо из пучины. В одной кельтской сказке душа морского чудовища заключена в яйцо, которое держит во рту фореель, сама же она заключена в вороне, и т. д.

Конечно, в тотемистической сказке никто не ронял яйца, это позднейшая добавка для мотивировки рыбы-спасительницы. Рыба, выносящая яйцо из пучины, когда-то завершала сказку. В тотемистической сказке сложились три главных сказочных функции: жертва, вредитель и герой, вернее, «героиня», ибо благодетельницей человечества выступала рыба.

Часть тотемистических сюжетов перешла в волшебные сказки путем антропоморфизации функций — именно функций, а не образов: ведь образы тотемных животных в сказке сохранились, только из единственных героев они стали «помощниками» героя-человека. С его вступления в сюжет началась сказочная героика в собственном смысле слова. Мифическая сказка сближается с жизнью родового общества.

Возможно, началом героической стадии в истории сюжета послужила антропоморфизация образа Зимы-Смерти. Вплоть до XIX века северно-финские народности поклонялись богу Зимы-Смерти. Саами (лопари) чтит Рота, властителя подземного царства. Это царство (Ротаймо) населяют старухи-людоедки, обладающие спо-

собностью воскрешать умерших; праздник в честь Рота справлялся 24 декабря, в зимний солнцеворот.

Здесь нужен экскурс в область ономастики. Имя «Кашей» появляется в русских сказках только с XVIII в., до этого соответствующий персонаж назывался Карачун. Так он назван у М. Попова¹³; в записях XIX — XX вв. встречаются имена Корачун, Корчун как синонимы Кашея. Карачун (корочун) — древнеславянское название зимнего солнцеворота и связанного с ним праздника, а также имя злого духа; в русском языке — смерть, гибель¹⁴. Почему праздник зимнего солнцеворота и дух-губитель обозначались одним словом? Потому что 24 декабря открывает пору сильнейших морозов: у восточных славян, как в ряде других случаев (ср. масленицу), название календарного праздника превратилось в олицетворение зимы как смерти.

Кульминацией зимы было 24 декабря, праздник саами в честь Рота, он же древнерусский «корочун». Однако царство зимы-смерти мыслилось славянами не под землей, как Ротаймо, а на земле. Карачун периодически царит над Русью, но тут его власть временна; собственное царство Карачуна — отдаленное. В русской сказке он приобрел не только антропоморфные черты, но и некую социальную характеристику: могущество, богатство и любострастие. Возможно, русская сказка «Морозко» отражает обряд жертвоприношения девушек Карачуну; из этого мнимого «брака» (оставления в лесу) развилось представление о Карачуне-Морозе как обладателе целого гарема красавиц.

При распространении сказки из первоначального (полагаем, заполярного) центра сюжет захватил огромные территории, не знавшие полярной ночи; при этом пленение солнечной утки утратило выразительность, а потому стало чередоваться с иным, типологически сходным мотивом — с похищением юной женщины (Весны) богом Зимы. Греческий миф о похищении Персефоны мрачным Аидом объяснял, почему богиня растительности полгода проводит на земле, а другую половину — в подземном царстве; у мифа не было героя, а сюжет его был циклически бесконечным.

Ряд вариантов русской сказки типа АТ 302 полностью утратил мотив утки с заветным яйцом: он заменен поисками похищенной девушки. Обширная группа сказок содержит оба этих мотива. Сказки разных народов (напр., русская сказка «Белая уточка») изображают брак героя с красавицей, которая превращается в утку; в ряде восточных сказок утки превращаются в девушек.

Очень важны варианты, в которых конфликт между Карачуном и красавицей разрешается ее победой — без всякого участия героя-спасителя. В одной белорусской сказке богатырша «Марья-Марьяна», решительно воспротивившись сватовству Кашея, побивает его рать, а самого Кашея забирает в плен¹⁵. Имя ее совпадает с именем русской поляницы Марьи Моревны¹⁶. Патроним «Моревна» нереален, но тут белорусская сказка поясняет русскую: сначала у героини не было отчества, а было удвоение имени. «Марья-Марьяна» и «Марья Моревна» восходят к языческому

имени Марена. С ним сопоставимы Мара (древнеиндийский бог смерти), древнеиранское «мерета» (мёртвый), литовское «марас» (смерть), латинское «mors» (смерть), русское «мор» и т. д.

О древнеславянской масленице В. К. Соколова говорит: «Прогоняли (уничтожали, хоронили) злое, враждебное человеку и природе начало — зиму, смерть». Имя богини-масленицы сохранилось у поляков — Мажана, Маржана, а в древнейшем звучании — Мара, Марана¹⁷. В украинской купальной обрядности украшенное деревце называется «морена»; ранее оно имело одноименный эквивалент в виде чучела на шесте, подобного масленице. Ясно, что Марана, Морена, Марьяна — одно и то же имя, не имеющее, кстати, никакого отношения к позднее усвоенным христианским именам Мария и Марианна.

Еще в древности произошла смысловая инверсия этого имени: злое божество, сжигаемое во время проводов зимы, утратило негативный характер и превратилось в олицетворение весны, а в сказках — в могучую богатыршу, антагонистку Карачуна. Весенний праздник противостоял зимнему солнцевороту, Марена — Карачуну: антагонизм двух праздников оформился в сказочный конфликт.

По мнению Б. А. Рыбакова, у славян не было богини Морены, и это лишь «наименование куклы, подлежащей ритуальному уничтожению»¹⁸. Все же в сюжете АТ 302, особенно в русских версиях, отразились древние календарные обряды. Мифологический подтекст сюжета — победа весны над зимой. Календарный характер этого сюжета отметил еще Дж. Кертин, первооткрыватель русского фольклора в США; труды его недавно реферировал А. А. Налепин. Кертину при изучении «Кашея Бессмертного» пришлось на ум смелое сопоставление: «Герой одного из индейских мифов (имя его означает Зима) своей песней приносил на землю морозы и снег. Зима — неуязвим, т. к. сердце его где-то спрятано. Однако враг Зимы находит сердце, сжигает его, и Зима умирает. Миф о Зиме — типичный календарный миф, который при сравнении со сказкой о Кашее в какой-то степени проясняет природу последнего», пишет А. А. Налепин¹⁹. Мы считаем очень меткими соображения американского этнографа, опубликованные почти сто лет назад²⁰.

Угасанием древнеславянского матриархата обусловлено появление в сказке героя-мужчины. В результате этого в ряде вариантов возникло дублирование мотивов. Ведь сначала и спрятанная утка с чудесным яйцом, и похищаемая Карачуном красавица обозначали одно и то же — пленение весны зимним богом. Постепенно центр тяжести перешел на новый мотив, и сказка переосмыслила эту тавтологию в терминах причинно-следственной связи: отыскание утки стало необходимым условием освобождения красавицы Марены (Морены). Одновременно календарная сказка подверглась мощному воздействию раннего героического эпоса, и двигателем сказочного сюжета стала эпическая борьба за жену, которую нужно добыть в потустороннем царстве.

В сказках о змеборцах герой проходит испытание у демони-

ческого «хозяина» в ином мире, причем герою помогает девушка, находящаяся во власти демона и впоследствии выходящая замуж за героя (ср. Тесея и Ариадна, Ясон и Медея). Эти сказки входят в круг сюжетов о победе героя над чудовищами при помощи дочери врага. В восточнославянских сказках типа АТ 313 («Чудесное богатство») и 400 («Муж ищет потерянную жену») героиня является дочерью демона. В известнейших русских вариантах АТ 302 ясно говорится, что в мысленной предистории сюжета героиня и Карачун жили в одном доме — именно в том, где герой в запретной комнате находил скованного Кашея. Каковы же были отношения этого могущественного волшебника и героини?

Распространенное толкование Кашея как «раба», «пленника» опирается на неточный перевод имени «Кашей» (которое, к тому же, вошло в сказку очень поздно) и служит вульгарно-социологическому прочтению этого сюжета как отражения «классовой борьбы». При таком антиисторическом подходе Кашей оказывается «восставшим рабом» и начинает подозрительно смахивать на Спартак Фракийца. Между тем, ни для кого не составляет секрета, что древние славяне, как и германцы, вообще не знали классического рабства. Изложенная трактовка нанесла большой вред научному исследованию сюжета АТ 302.

Как указывает Н. В. Новиков, Кашей привязан к своим дочерям. «Однако дочери, как видно, все же видят в нем семейного деспота, который противится выходу их замуж за избранного человека, и потому сравнительно легко вступают в сговор с героем с целью умерщвления отца» (Новиков, 202).

Чрезвычайно важно указание Н. В. Новикова на записанный в Сибири реликтовый вариант, в котором Иван-царевич прямо изображен зятем Кашея²¹. Герою, проникшему в царство Кашея, удается одолеть страшного тестя только с помощью своей жены, т. е. дочери врага.

Карачун, теперь не бог, а могучий волшебник, «оборотень и чародей» (Новиков, 197), напоминает богатыря-оборотня из русских былин — Волха Всеславьевича. Неуязвимость такого героя всегда имела магическую мотивировку, в нашем случае очень древнюю — спрятанное второе сердце. Ряд африканских верований о нескольких душах человека, существующих вне его тела, процитирован Фрэзером²². Но подобные верования существовали и у соседей восточного славянства: так, по башкирским представлениям, самые могучие батыры — это люди с двумя сердцами. Таковы Биктимер из сказки «Золотая птичка»²³ и Акъял-батыр из сказки «Акъял-батыр» (у последнего второе сердце похоже на белый брусок, и он прячет его подмышкой)²⁴. В восточнославянских сказках отмечен уникальный вариант — 302 С («Неуязвимый силач без сердца»): сердце этого силача враг достал на высокой горе и во время ссоры раздавил его, отчего силач умер²⁵. Наконец, если добавить к этому перечню миф североамериканских индейцев, приведенный Кертином, то становится ясным, что батыр с двумя сердцами или «силач без сердца» — очень древний мотив огромной

распространенности, сильно разрушенный на восточнославянской почве, но наиболее сохранившийся именно в сказках АТ 302, только в модифицированной форме.

Ибо в сказках этого типа сохранялся образ спрятанной утки с золотым яйцом; индоевропейский фольклор переосмыслил это яйцо как хранилище скрытой жизни, в чем сказалось влияние исключительной роли яйца в свадебной, погребальной и поминальной обрядности.

Представление о яйце как зародыше мира отошло в космогонические мифы, но обряды сохраняли «представления о яйце как основном принципе жизни, порождающем все, включая людей» (Топоров, с. 98). Культурная связь яйца с солнцем закрепились в весенних обрядах крашения яиц и игр с ними у славян и иранцев (ноуруз): эти обряды выражают участие людей в возрождении солнца. В Египте раскрашенные страусовые яйца найдены в захоронениях III тысячелетия до н. э.; в микенских шахтовых погребениях XVII века до н. э. (Аргос) найдены страусовые яйца, украшенные геометрическим орнаментом. Заметим, что в Греции страусы никогда не жили, их яйца специально ввозились из Африки. В древнеславянском погребении около украинского села Борки рядом со скелетами найдено раскрашенное яйцо из обожженной глины. Еще в XIX веке в Пензенской губернии составной частью поминков на кладбищах было зарывание яйца в могилы родственников.

В свадебных обрядах многих народов яйцо служило стимулятором чадородия, в погребальных — средством будущего возрождения покойника. В круговороте жизни-смерти-рождения яйцо символизировало непрерывность цикла.

В сказках произошло стяжение круговорота в единое состояние: тут слились функции сокрытого (второго) сердца богатыря и яйца как гарантии возрождения, возник образ спрятанного яйца, гарантирующего неуязвимость и бессмертие колдуна, великана, Кощея.

Выражение «смерть Кощея в яйце» порождено смысловой инверсией: в яйце заключена именно жизнь Кощея, но тот, кто овладевает яйцом, может Кощея убить.

Итак, предположительно история типа АТ 302 может быть суммирована так:

- 1) календарный миф о пленении солнца Зимой-Смертью (Змеем);
- 2) тотемистическое оформление мифа с выделением спасительницы-рыбы;
- 3) антропоморфизация образов в виде конфликта между старым богом Зимы и юной Весной (победа Весны);
- 4) волшебная сказка с введением героя-мужчины и переносом центра тяжести на борьбу за жену (влияние раннего героического эпоса); слияние десемантизированного мотива спрятанного яйца с мотивом сокрытого сердца оборотня; в восточнославянских вариантах — смысловая инверсия символа, обусловленная некоторой подспудной философичностью фольклора восточных славян.

В духе «поэтики завершенности» сказка вводит благополучный финал — парадоксальную смерть Кашея Бессмертного.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974, с. 193. Далее — сокращенное указание на эту работу в тексте.
- ² Толоров В. Н. К реконструкции мифа о мировом яйце (на материале русских сказок) // Труды по знаковым системам. Ш. Тарту, 1967, с. 96. Далее — сокращенные указания на эту работу в тексте.
- ³ Сперанский Д. А. Из литературы древнего Египта. Вып. 1. Рассказ о двух братьях. СПб, 1906.
- ⁴ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980, с. 740—752 («Пребывающая в теле душа и ее роль в народных сказках»).
- ⁵ Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1931, с. 271.
- ⁶ Клиггер В. Сказочные мотивы в Истории Геродота. Киев, 1903, с. 195.
- ⁷ Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов М., 1986, с. 27.
- ⁸ Typologie des persischen Volksmärchens. Von Ulrich Marzolph, Beirut, 1984 (Ж302В:Das Seelenamulett). Cf:Stith Thompson. The Types of the Folktale. FFC 184, (516В:The Abducted Princess).
- ⁹ Мелетинский Е. М. Мифы древнего мира в сравнительном освещении // Типология и взаимосвязь литератур древнего мира. Сб. ст. М., 1971, с. 97—98.
- ¹⁰ Окладников А. П. О палеолитической традиции в искусстве неолитических племен Сибири // Первобытное искусство. Новосибирск, 1971, с. 10.
- ¹¹ Фрэзер Дж. Золотая ветвь, М., 1980, с. 743—747.
- ¹² Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 236.
- ¹³ Попов М. Славянские древности, или Приключения славянских князей СПб, 1770—1771.
- ¹⁴ Мифы народов мира. М., 1980, т. 1, с. 623 («Карачун»).
- ¹⁵ Романов Е. Р. Белорусский сборник. Т. 1, вып. VI, Могилев. 1901. № 23.
- ¹⁶ Сказки русские. Собраны и изданы Петром Тимофеевым. М., 1787.
- ¹⁷ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белоруссов. М., 1979, с. 32, 35.
- ¹⁸ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян, с. 378.
- ¹⁹ Нелепин А. А. Проблемы реконструкции мифологических систем (работы Дж. Д. Кертана) // Фольклор и историческая этнография. М., 1983, с. 235.
- ²⁰ Curtin I. Myths and Folk-Tales of the Russians, Western Slavs and Magyars. London, 1890, p. 551.
- ²¹ См.: Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества по этнографии. Т. 1, вып. 1/Под ред А. В. Андрианова. Красноярск, 1902, № 202.
- ²² Фрэзер Дж. Золотая ветвь, М., 1980, с. 760—761.
- ²³ Башкорт халык ижады. Т. 2. Эфе, 1959, № 18.
- ²⁴ Башкирские богатырские сказки / Сост. Л. Г. Бараг, Н. Т. Зарипов. Уфа, 1986, № 8.
- ²⁵ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979, с. 108, (белорусский вариант сборника М. Федеровского).